

4. Кром, М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу / М.М. Кром // Электронная библиотека по культурологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/antropology/krom/stan.html>. – Дата доступа: 20.03.2010.
5. Репина, Л.П. История исторического знания: учеб. пособие для студентов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 290 с.
6. Репина, Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике / Л.П. Репина // Одиссей. Человек в истории. 1990. – М.: Наука, 1990. – С. 167–181.
7. Шутова, О.М. Историография и постмодерн. Вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI века / О.М. Шутова. – Мн.: БГУ, 2008. – 279 с.

УДК [316,6+165]:[124,5+005]

ЧЕЛОВЕК КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

С.П. Ценаев

УО «БрГТУ», г. Брест, Республика Беларусь

Социально-экономические теории формируют нормативные модели человека в экономике как некоторый императив, определяющий его развитие. Любая экономическая модель определяет основные детерминанты и формы деятельности человека, всякая экономическая парадигма в качестве гипотезы (или аксиомы) приемлет ту или иную интерпретацию основных мотивов и целей человека и его институционального окружения. В предельно общем виде это человек, действующий в своих интересах, но различающийся уровнем своей активности (А.Смит); деятельный, экономный, использующий свои средства как ресурсы, обеспечивающие наслаждение (Дж.С.Милль, Дж.Бентам); ограничивающий себя рамками рационального понимания «справедливости» (Б.Гильдербранд, К.Книс); формируемый институтами общества и распадающийся на «капиталиста» и «рабочего» (К.Маркс); рационализирующий потребление через обмен благ посредством денежного эквивалента (У.С.Джевонс, К.Менгер, Л.Вальрас); рационализирующий ситуацию при помощи государства и тем самым снимающий состояние неопределённости, порождаемое недостатком информации (Дж.М.Кейнс); умножающий общие знания людей, взаимодействующих на рынке и формирующийся в результате влияния общественных институтов (Ф.Хайек). Очевидно, что то или иное понимание человека формирует различные социально-экономические реальности, выражаемые в системе институтов. Такое конструирование предполагает признание вариантности сконструированной системы отношений и поиск корректных способов её описания.

Однако модель человека зависит от сформировавшейся экономической парадигмы. Так в рамках парадигмы институциональной экономики мотивы поведения человека определяются его стремлением к изменению своего экономического положения в рамках институциональной системы, поэтому предмет экономической теории смещается в сторону анализа отношения человека и институтов.

Экономическая интерпретация человека является результатом неолиберальной экономической политики, но при этом он ограничивает (в силу одномерности мотива) сферу собственного бытия, и сферу общей социальной жизни, они замыкаются и препятствуют его собственному развитию, противоречат принципам «открытого» общества. В неоклассической модели «экономический человек» ориентирован на максимизацию материальных благ, а «институциональный человек» - на укрепление своего статуса в общественной системе.

«Институциональный человек» может ориентироваться на статус как единственную (либо главную) цель, но может и рассматривать статус как рациональное средство достижения совершенно иных целей, в том числе и связанных с выходом за пределы институциональных ограничений.

Те или иные интерпретации человека в экономических науках первоначально возникают как предпосылка, исходные принципы которой сформированы в других дисциплинах (философии, социологии, психологии), но уточняются в экономической теории. Возможно построение соответствующих моделей и в самой экономической науке, однако специфика ее предмета потребует жёсткой модели человека, поэтому чаще они выступают результатом междисциплинарного синтеза, в рамках культурно-цивилизационных парадигм.

Классическим примером является анализ экономического действия в концепции М.Вебера, где оно оказывается априорным конструктом, представляющим все возможные формы хозяйственной деятельности, воплощаемых в цивилизационном типе рационального выбора («духе капитализма»), ориентированном на получение выгоды посредством контроля над ресурсами. Однако действия, выходящие за пределы дозволенного институтами, не могут быть признаны экономическими, хотя принуждение является дополнительным средством получения выгоды, причём осуществляется как вопреки сложившимся институтам, так и с их использованием. Таким образом, идеальный тип экономического поведения человека – это предельно абстрактная конструкция, ограничиваемая институционально-государственной структурой, сдерживающей максимизацию эгоизма, а рационализация экономической системы предполагает постоянное совершенствование системы институтов, благодаря которой происходит развитие общества, что оказывается определяющим по отношению к человеку и его мотивам. Любое поведение индивида производно от существующего институционального порядка и степени его легитимности. В основе этого институционального порядка лежит взаимосвязь рациональной организации капитала и труда, что предполагает определённое институциональное оформление солидарности. Последняя становится предметом пристального анализа Э.Дюркгейма в его концепции «органической солидарности».

Одним из первых, кто осознал несоответствие предлагаемых в рамках экономической теории парадигм, интерпретирующих человека, и реальной экономической жизни был В.Парето, согласно которому экономическое поведение есть сложный комплекс традиционных, стереотипных, подсознательных и других элементов, где рациональность не обязательно является ведущей. Рациональные действия основываются на традиционных, но постоянно «индивидуализируются», расширяют границы выбора форм поведения. Более того интересы человека как субъекта экономического поведения не могут быть предметом строгого научного анализа, базирующегося на жёстких правилах логического выбора. Однако экономические действия должны рационализироваться, формализоваться, а выбор целей и принятие решений оказывается вне компетенции науки.

То, что смежные с экономической теорией дисциплины не могут быть безоговорочной предпосылочной базой для интерпретации человека в экономике, убедительно показал Н.Д.Кондратьев, поскольку не все социальные действия могут рассматриваться как субстратные по отношению к экономическим отношениям и институтам. Собственно экономическим поведением является такое, где реализуется экономический интерес, причём система актов поведения корреспондентна системе институтов, а это означает многомерность как экономики, так и человека в ней.

Дальнейшее движение в направлении междисциплинарного синтеза в построении модели человека в экономике осуществляет Й.Шумпетер, пытаясь дать интегральную оценку экономического поведения, подключая инструментарий экономической теории, экономической статистики, экономической истории и экономической социологии, однако, не обеспечивая их органического единства. Он справедливо полагал, что теоретические модели являются «каркасом» конкретного анализа и поэтому необходима методологическая интерпретация макро- и микроэкономических моделей средствами и инструментами других наук, в чью предметную область включается человек в его экономической жизни.

Попыткой вырваться из хаоса парадигм и моделей, интерпретирующих человека в экономике стал структурно-функциональный анализ Т.Парсонса, сформировавшийся на своих собственных предпосылках, это позволило совершенно иначе взглянуть на проблему и справедливо предположить, что экономику нельзя понять, используя только инструментарий экономической науки. Принципы, заложенные как постулаты тех или иных экономических моделей, не позволяют раскрыть сущность социальной реальности, частью которой является экономическая жизнь общества, экономическое поведение не может быть абсолютно индивидуализированным в силу своего институционального оформления, последнее детерминируется ценностями, призванными обеспечить социальное равновесие и соответствующий тип социальной интеграции.

Детализация экономического поведения человека осуществляется в рамках «новой экономической социологии», где индивид начинает рассматриваться как носитель рыночной активности, его действия определяются социальными институтами, индивидуальное экономическое поведение осуществляется в многообразном социальном контексте и трансформируется в некий экономико-максимизационный итог косвенным образом. Специфика механизма, формирующего экономико

максимизационный вектор трансформации, задаётся социальным контекстом. Чисто экономического поведения не бывает, оно конструируется из множества составляющих.

Эти идеи развивает М. Грановеттер, формируя концепцию «заключённости» экономического поведения в «сеть» общественных отношений, в рамках институционального оформления которой становится возможным собственно экономическое поведение. Причём последнее может быть сконструировано индивидуально (уникальное по содержанию и мотивам), но соответствующее действующей системе институтов, либо формироваться как некий интегральный результат, воплощающий цели, мотивы, интересы групп людей.

Представление о том, максимационный эгоизм не обязательно выступает как определяющий элемент человеческого поведения, развивается далее в концепциях «организованной культуры», что позволило включить проблему рационального выбора в институциональный контекст социокультурных систем, формирующий разнообразные модели экономического поведения. Такое включение происходило прежде всего путём формирования соответствующих аксиологических матриц экономического поведения, интерпретируемых как «организационная мораль» (Г. Саймон, Д. Мари), «символическая реальность» (А. Петигрю, П. Сильвермен); «культурная парадигма» или «базовые представления» (Е. Шайн), поэтому рационалистическая парадигма в трактовке экономического поведения предстает лишь как элемент в сложной системе социокультурной детерминации.

Более подробная дифференциация аксиологических матриц осуществляется в рамках «нормативной модели» (Л. Болтански и Л. Тевен), относительно автономных сфер современного общества, контекстуально определяющих основные характеристики экономического поведения. Эти сферы регулируют (институционально оформляют) формы экономического поведения внутри себя, но и сами регулируются «синтетическими» нормами, функционально направленными на обеспечение равновесия между этими сферами, оформляемого в некую институциональную матрицу, устойчивость которой обеспечивается адекватной взаимосвязью интересов индивидов, выражаемой в «системе институциональных порядков», находящихся в состоянии взаимного равновесия и обеспечивающих возможность компромиссов между индивидами.

Таким образом, до настоящего времени методологический инструментарий исследования человека в экономической сфере своими крайностями имеет методологический индивидуализм и методологический реализм. Эта поляризация время от времени снимается попытками синтеза, но как правило воспроизводится вновь, отражая всё богатство проблематики соотношения индивидуального и общественного в экономической реальности, особенно если предпосылочно опирается на интерпретации человека в других социальных науках. При этом существенной проблемой оказывается необходимость сохранить человеческую универсальность, поскольку любое его качество может оказаться экономически значимым.

Сохранению универсальности человека, преодолению его одномерных трактовок могут способствовать внутринаучный парадигмальный синтез, изменение акцентов в оценке социо-экономико-культурной реальности; адекватное понимание действительной роли идеального в развитии человека и экономической сферы, введение понятия внеэкономического капитала.

Доминирующая в экономической науке «рыночноцентричная» парадигма не позволяет в должной мере раскрыть универсальность человека и его экономического бытия. Многообразные способы и формы бытия человека и особенности развития общественного производства создали условия, при которых человеческие качества становятся капиталом, позволяют создавать новую стоимость. При этом творческая составляющая человека не отчуждаема от него и в то же время обладает общественной ценностью независимо от конкретной востребованности рынком и связана, прежде всего, не с вещной, а со знаковой и институциональной формами предметности, функционирующими в той части рынка, где создаются социальные формы, но вне рынка не имеющие стоимости. Именно эти процессы во многом определили, что воспроизводство востребованных личностных качеств стало частным делом индивидов, а, соответственно, породило спрос и способствовало резкой коммерциализации соответствующих сфер. Самостоятельное использование человеком своего потенциала требует определенных предпосылок не только в виде задатков, способностей, но и потребности представить их развитой форме на рынок. Последнее определяется культурой, её элементами (религия, менталитет, обычаи, традиции и т.п.) и соответствующими институтами. Более того представляется, что в плане развития «человеческого капитала» определяющим является именно институциональное строение культуры, а не индивидуальные знания

и творческие способности. А это, в свою очередь, не может не прождать противоречие между потребностями в самореализации и стремлением извлечь из этого доход.

Необходимо учитывать, что существующая экономическая система воспроизводит творческую составляющую человека посредством инструментов рынка, «человеческий капитал» - это форма, в рамках которой человеческие качества «превращаются» в капитал, поэтому неоклассика стремится рассматривать человеческие качества как специфический ресурс и включить их в соответствующее институциональное оформление. Но при этом необходимо учитывать действие законов, лежащих в основе развития социума как целого и достаточно специфично проявляющихся в экономической сфере, а именно, развитие творческого потенциала человека, при определённом уровне удовлетворения его потребностей не может не снижать значения рыночных институтов в структуре организации его деятельности, а соответственно и мотивов, связанных с рынком, следствием чего оказывается неприемлемость доминирующих представлений о рациональности в экономическом поведении. Существующая институциональная система (основанная на парадигме «рынкоцентризма») уже осознала задачу подчинения инновационного, креативного потенциала человека, а главное – процессов их воспроизводства. Творческая деятельность в её сущностном понимании пока не является доминирующей и поэтому вынуждена встраиваться в существующую систему институтов. Пока эти процессы осуществляются путём монополизации научных и культурных сфер, без которых невозможно творчество и соответствующего развития институтов «интеллектуальной собственности», встраиваемых в рыночное пространство, усиления контроля за элитной частью образовательной системы и т.д.

Развитие процессов в указанном направлении с неизбежностью может привести к формированию противоречия между человеком как универсальностью и «человеческим капиталом» как совокупностью его свойств, способных создавать новую стоимость в существующей институциональной среде, ориентированной на рынок.

Преодоление этого противоречия предполагает кардинальный пересмотр сложившихся парадигм понимания человека, экономики, их взаимосвязи и места в глобальном социуме, а также природы и перспектив развития последнего.

Институциональные изменения – необходимая сторона социального развития. Причём совершенствование институциональной системы не должно отождествляться с целью развития или трансформации общества, оно выступает лишь как система инструментов, обеспечивающих развитие человеческого потенциала. Заслуживает положительной оценки то обстоятельство, что экономическая наука всё более глубоко понимает целостность и универсальность человека, невозможность его интерпретации исключительно экономическими категориями, осознаёт необходимость построения новой парадигмы, учитывающей многогранные связи экономики с другими социальными сферами и не только в их абстрактно-теоретическом выражении, а, прежде всего, в форме конкретного бытия, т.е. культуры. Это необходимо учитывать в процессах конструирования институтов, их заимствования, систематизации, интеграции и т.д.

Использование «институционального» ресурса осложняется неоднозначностью трактовки института в экономической теории и социологии, последняя трактует институт более строго, как комплексы устойчивых норм, не тождественные отдельной норме или правилу. Экономическая наука не делает существенных различий между институтами, нормами и правилами, зачастую сводя их к повседневному социально-экономическим практикам. Однако предпосылки для выработки тождественности понимания существуют и расширяются за счёт включения в экономический анализ культуры и человека в их целостности и многообразии. Институт основывается на норме и реализуется через те или иные формы социальных практик, которые могут существенно изменяться, появляться и исчезать, не меняя института, а тем более нормы. Могут существовать формы практик, не имеющие в своём основании норм или институтов, базирующиеся на нормативных элементах.

Поэтому те его способности, которые могут включаться в содержание понятия «человеческий капитал», таковыми становятся при наличии определённых институтов, позволяющих использование этих способностей как ресурсов, приносящих доход в той или иной форме. При этом индивид зачастую сравнивает издержки и выгоды использования того или иного ресурса в определённой перспективе. Последнее предполагает институциональную интерпретацию механизмов социальных процессов, в рамках которых институт должен рассматриваться как социальная форма, выражающая социальные нормы и некий консенсус интересов индивидов, групп и т.д., что формирует предпосылки целостного рассмотрения современных институциональных трансформаций, такого

анализа, который бы интегрировал в себе взвешенность и корректность социологического исследования и жёсткость и точность экономического.

Условием формирования такого интегративного подхода к исследованию человека и его институционального окружения является, прежде всего, преодоление излишней формализации экономической теории (принципиально недопустимой при исследовании человека) и построение новой парадигмы экономического знания.

